

Роман «Дающий» переведен более чем на 40 языков мира!
Продано свыше 12 000 000 экземпляров!

Медаль Джона Ньюбери
за выдающийся вклад
в американскую литературу
для детей и подростков

ЛОИС ЛОУРИ ДАЮЩИЙ

Азбука-бестселлер

Лоис Лоури

Дающий

«Азбука-Аттикус»

1993

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Лоури Л.

Дающий / Л. Лоури — «Азбука-Аттикус», 1993 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-24534-1

В мире, где живет Джонас, нет сильной боли, нет голода, нет войн. А еще нет самостоятельных решений: для каждого члена коммуны выбирается подходящая профессия, муж или жена и даже дети. Джонасу тревожно, ведь совсем скоро объявят и его будущее занятие. Кем он станет? Окажется ли ему по душе назначенная профессия? Но, как выясняется, Старейшины отвели Джонасу особую роль. Он становится следующим Принимающим Воспоминания. Мальчик знакомится со стариком, хранящим память о реальном мире, и жизнь Джонаса переворачивается с ног на голову...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-24534-1

© Лоури Л., 1993
© Азбука-Аттикус, 1993

Содержание

1	6
2	10
3	14
4	17
5	20
6	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Лоис Лоури Дающий

Lois Lowry
THE GIVER
Copyright © 1993 by Lois Lowry
All rights reserved

Перевод с английского Анны Шур
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Егора Саламашенко

АЗБУКА
БЕСТСЕЛЛЕР

© А. Д. Шур, перевод, 2011
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

* * *

Детям, в чьих руках наше будущее

1

До декабря оставалось совсем чуть-чуть, и Джонасу было страшно. Нет. Неправильное слово, подумал Джонас. Страшно – это когда тебе плохо оттого, что должно произойти что-то ужасное. Страшно ему было год назад, когда неизвестный самолет дважды пролетел над коммуной. Джонас сначала увидел его, а через секунду услышал рев двигателя. Затем почти сразу тот же самолет пронесся обратно.

Джонас замер. Он никогда не видел самолетов так близко: Пилотам запрещалось летать над коммуной. Иногда на посадочную полосу по ту сторону реки приземлялись грузовые самолеты, и дети на велосипедах подъезжали к берегу и не отрываясь смотрели, как они сгружают продовольствие, а потом улетают на запад, за пределы коммуны.

Но этот самолет был другим. Остроносый и стремительный, он был совсем не похож на пузатые грузовые суда. Испуганно оглядевшись, Джонас увидел, что остальные – и дети, и взрослые – бросили свои дела и ждут, пока им объяснят, что происходит.

«ВСЕМ ЧЛЕНАМ КОММУНЫ НЕМЕДЛЕННО ЗАЙТИ В БЛИЖАЙШЕЕ ЗДАНИЕ И ОСТАВАТЬСЯ ТАМ! – раздался из громкоговорителей резкий голос. – ВЕЛОСИПЕДЫ ОСТАВИТЬ НА МЕСТЕ».

Джонас тут же бросил велосипед на дорожке возле своего дома и вбежал внутрь. Он был один – родители еще не пришли с работы, а младшая сестра Лили, как всегда после школы, была в Детском Центре.

Джонас посмотрел в окно. Улица опустела: ни Дворников, ни Ландшафтных Рабочих, ни Доставщиков Еды – никого из тех, кто обычно заполняет коммуны в дневные часы. Только валяющиеся повсюду велосипеды – у одного еще крутилось колесо.

Вот тогда он испугался. От вида замершей коммуны ему стало нехорошо.

Но оказалось, что ничего страшного не произошло. Уже через несколько минут снова раздался треск громкоговорителей, и голос, теперь гораздо более спокойный, объяснил, что Пилот на Обучении сбился с курса, запаниковал и в надежде скрыть ошибку повернул обратно.

«РАЗУМЕЕТСЯ, ОН БУДЕТ УДАЛЕН», – сказал голос, и наступила тишина.

Последнюю фразу Диктор произнес с иронией, как будто речь шла о чем-то забавном. Джонас тоже усмехнулся, хотя отлично знал, что ничего смешного в этом утверждении нет. Для действующего члена коммуны Удаление было страшным наказанием, свидетельством полного провала, приговором.

Даже детей ругали, когда они использовали это слово просто так, например разозлившись на члена команды, пропустившего мяч или уронившего эстафетную палочку. Джонас тоже однажды крикнул своему лучшему другу Эшеру: «Ну все! Ты удален!» – когда из-за его промаха их команда проиграла. Тренер отвел Джонаса в сторону для серьезного разговора, и он, виновато опустив голову, попросил у Эшера прощения.

Джонас ехал домой вдоль берега и размышлял о чувстве страха. Он вспомнил, как до тошноты испугался пронесшегося над коммуной самолета. Это было совсем не похоже на ощущения, которые вызывал в нем приближающийся декабрь. Он искал правильное слово, чтобы их описать.

Джонас внимательно относился к словам. Не то что его друг Эшер, который говорил слишком быстро и все путал – получалась такая мешанина, что не всегда даже было понятно, о чем речь. Часто выходило очень смешно.

Джонас улыбнулся, вспомнив, как однажды утром запыхавшийся Эшер ворвался в класс, когда все уже пели утренний гимн. Исполнив последний куплет, ученики расселись по местам, а Эшер остался стоять. Он должен был, как и положено, публично извиниться.

Так и не отдышавшись, Эшер протараторил стандартное извинение:

– Я приношу извинения за то, что причинил неудобство своим соученикам.

Инструктор и класс терпеливо ждали объяснения. Ученики улыбались – они не раз уже выслушивали объяснения Эшера.

– Я вышел из дома вовремя, но, когда проезжал мимо инкубатория, залюбовался тем, как разделяют семгу. Я приношу извинения своим одноклассникам, – повторил Эшер, одернул форму и сел.

– Мы принимаем твои извинения, Эшер. – Класс хором проскандировал стандартный ответ.

При этом многие ученики с трудом сдерживали смех.

– Я принимаю твои извинения, – улыбнулся Инструктор. – И хочу сказать тебе спасибо за то, что ты опять даешь мне возможность поговорить с классом о Правильном Употреблении Слов. «Залюбоваться» – слишком сильное слово по отношению к разделыванию семги.

Инструктор повернулся к доске и написал «залюбоваться». А под ним написал «засмотреться».

Джонас улыбнулся этому воспоминанию. Он уже почти подъехал к дому и, ставя велосипед на место, вдруг понял, что не так со словом «страшно». Оно слишком сильное.

Он так давно ждет этого особого декабря. И теперь, когда декабрь так близко, ему не страшно. «Я жду его... с нетерпением, – решил Джонас. – И конечно, я волнуюсь». Все Одиннадцатилетние были взволнованы этим стремительно приближающимся событием.

И все же всякий раз, когда Джонас думал, что может произойти, ему было не по себе.

«Мне тревожно, – решил Джонас. – Вот что я чувствую».

– Ну, кто сегодня хочет первым поделиться чувствами? – спросил Отец в конце ужина.

Это был один из ритуалов – делиться чувствами. Иногда Джонас и Лили спорили, кто будет первым. Их родители, конечно, тоже принимали участие в ритуале, они тоже делились своими чувствами каждый вечер. Но, как и все родители и вообще взрослые, они не ссорились. В том числе из-за права начать ритуал.

Сегодня и Джонас не пытался заговорить первым. Его чувства были слишком сложными. Он хотел ими поделиться, но не спешил, хотя и не сомневался, что родители помогут ему в них разобраться.

– Давай, Лили, – сказал он, глядя на младшую сестру.

Лили – Семилетняя – ерзала на стуле от нетерпения.

– Я сегодня очень разозлилась, – объявила Лили. – Моя группа из Детского Центра была на площадке для игр, и к нам пришли посетители-Семилетние, и они вообще не следовали правилам! Один из них, мужского пола, не знаю, как его зовут, все время забирался на горку без очереди, хотя все остальные ждали. Я так на него разозлилась! Я даже сжала руку в кулак, вот так. – Она потрясла кулачком, и вся семья улыбнулась ее смелому жесту.

– Как ты думаешь, а почему посетители не следовали правилам? – спросила Мать.

Лили в задумчивости покачала головой:

– Я не знаю. Они вели себя как... как...

– Звери? – смеясь, подсказал Джонас.

– Точно, – рассмеялась Лили. – Как звери.

Дети понятия не имели, что значит это слово, но так часто называли невоспитанных или неловких людей, людей, которые вели себя не так, как все.

– А откуда они приехали? – спросил Отец.

Лили задумалась.

– Наш староста говорил об этом в приветственной речи, но я не помню. Наверное, я прослушала. Они из другой коммуны. Им пришлось выехать обратно очень рано, они даже пообедали в автобусе.

Мать посмотрела на Лили:

– А как ты думаешь, может, у них правила другие? И поэтому они просто не знают, какие правила на вашей площадке?

– Наверное, – пожала плечами Лили.

– А вы разве не посещали другие коммуны? – спросил Джонас. – Моя группа часто это делала.

Лили кивнула:

– Да, когда мы были Шестилетними, мы провели целый школьный день с группой Шестилетних из другой коммуны.

– И как ты себя там чувствовала?

Лили нахмурилась:

– Мне было неудобно. У них другая система. Они уже освоили учебный материал, которого у нас не было, и мы чувствовали себя глупыми.

Отец слушал Лили очень внимательно.

– Я все думаю про мальчика, который не следовал правилам. Может, и ему было неудобно, может, и он чувствовал себя глупо? Ведь он тоже был в незнакомом месте с непривычными правилами. Как ты думаешь, Лили?

Лили обдумала его слова.

– Да, – сказала она наконец.

– А мне его даже жалко, – сказал Джонас. – Хоть я его и не видел. Мне было бы жаль любого, кто оказался там, где ему неудобно и он чувствует себя глупо.

– Что ты чувствуешь сейчас, Лили? – спросил Отец. – Все еще злишься?

– По-моему, нет, – решила Лили. – По-моему, мне тоже его жалко. И я жалею, что сжала руку в кулак, – сказала Лили. И улыбнулась.

Джонас улыбнулся в ответ. Чувства Лили всегда такие ясные, простые, с ними легко разобраться. Он подумал, что, наверное, когда он был Семилетним, его чувства были такими же.

Он вежливо, но не слишком внимательно слушал, что рассказывает Отец. Тот говорил о чувстве, которое беспокоило его сегодня на работе: он волновался за одного из Младенцев. Отец Джонаса был Воспитателем. Воспитатели должны были заниматься всеми эмоциональными и физическими потребностями детей в первые годы жизни. Джонас понимал, что это очень важная работа, но она его не слишком интересовала.

– Какого он пола? – спросила Лили.

– Мужского, – сказал Отец. – Очень милый ребенок мужского пола со славным характером. Но он растет медленнее, чем положено, и плохо спит. Мы держим его в отделе дополнительного ухода, но в Комитете уже поговаривают о том, чтобы его удалить.

– Ох, – вздохнула Мать. – Представляю, как тебе тяжело.

Джонас и Лили сочувственно покивали. Удаление детей всегда было печальным событием, ведь они еще не успели насладиться жизнью в коммуне. И они не сделали ничего плохого.

Удаление не было наказанием только в двух случаях – если дело касалось Старых и Младенцев. Удаление Старых отмечалось как праздник полно и хорошо прожитой жизни, а вот Удаление новорожденных сопровождалось чувствами бессилия и грусти. Особенно тяжело приходилось Воспитателям, которым казалось, что в случившемся есть их вина. Впрочем, детей удаляли очень редко.

– Но я пока не сдаюсь, – сказал Отец. – Я собираюсь попросить у Комитета разрешения приносить его на ночь домой, если вы, конечно, не против. Вы же знаете, как работают Ночные Воспитатели. Я думаю, этот малыш нуждается в чем-то большем.

– Конечно, – сказала Мать.

Джонас и Лили кивнули. Отец уже жаловался им на Ночных Воспитателей. Работа Ночных Воспитателей не считалась важной, на нее назначали людей, которым не хватало знаний, способностей, умения для более ответственной дневной деятельности. Большинству ночных работников даже не подбирали супругов, так как они не обладали элементарным навыком общения, что совершенно необходимо для создания Семейной Ячейки.

– Может быть, мы даже сможем его оставить у себя, – прошептала Лили.

Она, конечно, дурачилась, все это прекрасно понимали.

– Лили, – с улыбкой сказала Мать, – ты же знаешь Правила.

Двое детей – один женского, один мужского пола – каждой Семейной Ячейке, гласили Правила.

Лили хихикнула:

– Я подумала: а вдруг один раз можно?

Следующей о своих чувствах рассказывала Мать, которая работала в Департаменте Юстиции. Сегодня к ней привели рецидивиста, человека, который уже нарушал Правила. Она считала, что, строго и справедливо наказанный, он снова обрел свое место в коммуне: работу, дом, Семейную Ячейку. Увидев его во второй раз, она рассердилась. Ей было обидно и даже немного стыдно, что она не смогла изменить его жизнь.

– И еще я почувствовала страх за него, – призналась Мать. – Вы же знаете, третьего шанса нет. Правила гласят, что третье нарушение влечет за собой Удаление.

Джонас вздрогнул. Он знал, что так бывает. У него в группе есть мальчик, чей Отец был удален много лет назад. Но никто никогда не говорит об этом, такой это позор. От одной мысли становится не по себе.

Лили подошла к Матери и положила руку ей на плечо. Не вставая с места, Отец взял ее за руку. Джонас – за другую. Каждый произнес слова ободрения. Вскоре Мать улыбнулась, поблагодарила их и сказала, что ей гораздо лучше. Ритуал продолжался.

– Ну а ты, Джонас? – спросил Отец. – Ты сегодня последний.

Джонас вздохнул. Сегодня он бы рад и вовсе не рассказывать о своих чувствах. Но это, конечно, против Правил.

– Мне тревожно, – признался он, радуясь, что в конце концов нашел правильно описывающее его чувства слово.

– Почему, сын? – Отец выглядел обеспокоенным.

– Я знаю, что на самом деле волноваться не о чем, – объяснил Джонас, – и что каждый взрослый через это прошел. И вы тоже. Но Церемония все равно меня тревожит. Ведь уже почти декабрь.

Лили широко раскрыла глаза.

– Церемония Двенадцатилетних, – прошептала она благоговейно.

Даже самые маленькие дети – как Лили и младше – знали, что ожидает в будущем каждого из них.

– Я рад, что ты поделился с нами своими чувствами, – сказал Отец.

– Лили, – позвала девочку Мать. – Тебе пора идти надевать пижаму. А мы с Отцом остаемся и побеседуем с Джонасом.

Лили скривилась, но послушно встала из-за стола.

– Без меня? – спросила она.

– Да, это будет отдельная беседа только с Джонасом, – ответила Мать.

2

Джонас смотрел, как Отец наливает себе кофе. Он ждал.

– В детстве, – сказал Отец, – каждый декабрь был для меня событием. Как и для вас с Лили. Декабрь приносит столько нового!

Джонас кивнул. Он помнил декабри с тех пор, как стал Четырехлетним. Те, что были раньше, стерлись из памяти, хотя он, конечно, присутствовал на всех Церемониях. Он прекрасно помнил первые декабри Лили. Особенно декабрь, когда их Семейная Ячейка получила Лили – на той Церемонии она была названа и стала Годовалой.

Церемония Годовалых – всегда шумная и веселая. Каждый декабрь Младенцы, рожденные в течение года, становятся Годовалыми. По очереди – детей ровно пятьдесят, если никого не удалили, – их выносят на сцену Воспитатели, которые заботились о них с рождения. Некоторые идут сами, еще неуверенно держась на ногах, а совсем маленькие лежат на руках у Воспитателей.

– Я люблю Называние, – сказал Джонас.

– Я тоже, – сказала Мать. – В тот год, когда мы должны были получить Лили, – а мы, естественно, знали, что нам выдадут ребенка женского пола, ведь мы подали прошение, и оно было одобрено, – я постоянно думала: какое же у нее будет имя?

– Я мог бы, конечно, заглянуть в список и до Церемонии, – признался Отец. – Комитет готовит его заранее, и он всегда лежит в офисе Воспитательного Центра.

Вообще-то, – продолжил Отец, – мне немного стыдно, но сегодня я действительно зашел в офис, чтобы проверить, нет ли там списков для Называния. Список был, и я посмотрел на запись под номером Тридцать Шесть – это номер того малыша, о котором я вам сегодня рассказывал. Я подумал, что воспитательный процесс пойдет быстрее, если называть его по имени. Наедине, конечно, чтобы никто не услышал.

– И ты узнал его? – воскликнул Джонас.

Это было невероятно – то, что Отец вообще способен нарушить Правило, пусть и не самое важное. Джонас взглянул на Мать, человека, ответственного за соблюдение Правил в коммуне, и с облегчением увидел, что она улыбается.

Отец кивнул.

– Его именем – если он, конечно, дотянет до Называния – будет Гэбриэл. Так что я шепчу ему это имя во время кормлений, игр и занятий. Когда никто не слышит. Я зову его Гейб, – улыбнулся Отец.

– Гейб, – произнес Джонас. – Хорошее имя.

Хотя Джонас был только Пятилетним в тот год, когда они получили Лили и узнали ее имя, он отлично помнил, как все этого ждали. Они часами обсуждали, как она будет выглядеть, какой у нее будет характер, впишется ли она в размеренную жизнь Семейной Ячейки. Он помнил, как забрался на сцену вместе с родителями – Отец был с ними, а не с другими Воспитателями, потому что в том году ему выдавали собственного ребенка.

Он вспомнил, как Мать взяла ребенка, теперь его сестру, на руки и как прочли документ собравшимся Семейным Ячейкам: «Младенец Двадцать Три, – объявил Называтель, – Лили».

Он помнил восхищенное лицо Отца и как он прошептал:

– Это одна из моих любимиц, я надеялся, что нам дадут именно ее.

Толпа хлопала, Джонас улыбался. Ему нравилось имя его сестры. Лили, так толком и не проснувшаяся, помахала крошечным кулачком, и они спустились со сцены, чтобы уступить место следующей Семейной Ячейке.

– Когда я был Одиннадцатилетним, как ты, Джонас, я был очень нетерпелив. Никак не мог дождаться Церемонии Двенадцатилетних. Это ведь почти два дня. Я помню, что мне

понравились Годовалые, но все остальные Церемонии не очень-то меня интересовали, кроме Девятилетних. Моя сестра стала в тот год Девятилетней и получила свой велосипед. Я учил ее ездить на моем, хотя, конечно, не должен был этого делать.

Джонас рассмеялся. Это было одно из Правил, которое не принимали всерьез и нарушали почти всегда. Велосипеды получали Девятилетние, до этого возраста ездить запрещалось. Но почти всегда старшие братья и сестры учили младших кататься, Джонас и сам уже подумывал, не пора ли заняться этим с Лили. Шли разговоры о том, чтобы поменять Правила и выдавать велосипеды в более раннем возрасте. Комитет изучал этот вопрос. Когда Комитет изучал что-нибудь, люди всегда шутили, что члены Комитета раньше станут Старейшинами, чем поменяют Правила.

Поменять Правила было невероятно сложно. Иногда, когда речь шла о чем-то действительно важном – не о такой ерунде, как велосипеды и возраст, в котором их следует выдавать, – вопрос задавали Принимающему, самому важному из Старейшин. Джонас его никогда и не видел, по крайней мере не знал, как он выглядит. Но Комитет никогда бы не побеспокоил Принимающего вопросом велосипедов, члены Комитета просто будут судить и рядить годами, пока в коммуне не забудут, что этот вопрос вообще был поставлен на обсуждение.

Отец продолжил:

– Я с удовольствием посмотрел, как моя сестра Катя стала Девятилетней, как она впервые сняла ленты для волос и получила велосипед. Затем я не очень-то внимательно наблюдал за Церемониями Десяти- и Одиннадцатилетних. И вот к концу второго дня – казалось, он будет длиться вечно – наступила моя очередь. Церемония Двенадцатилетних.

Джонас поежился. Он представил себе, как Отец, который, скорее всего, был тихим и скромным мальчиком – таким же тихим и скромным, как сейчас, – сидит со своими одноклассниками и ждет, когда его вызовут на сцену. Церемония Двенадцатилетних была последней Церемонией. Самой важной.

– Я помню, с какой гордостью смотрели на меня родители. Даже Катя, которой ужасно хотелось поскорей проехаться по коммуне на велосипеде, перестала ерзать и сидела очень прямо и спокойно, когда я вышел на сцену. Но если честно, Джонас, – сказал Отец, – у меня Церемония тревоги не вызывала. Я был абсолютно уверен в своем Назначении.

Джонас удивился. Узнать про Назначение заранее совершенно невозможно. Распределение было секретным, им занимались лидеры коммуны – Старейшины. Относились они к этому со всей серьезностью, так что в коммуне про Назначения даже никогда не шутили.

Мать тоже была удивлена:

– Как же ты узнал?

Отец мягко улыбнулся:

– Ну, мне это было ясно с самого начала – и родители позже признались, что тоже не сомневались в том, какое дело будет получаться у меня лучше всего. Мне всегда нравились маленькие дети. Пока мои одноклассники устраивали велосипедные гонки, или строили машины и дома из конструкторов, или...

– То есть занимались тем же, чем мы с друзьями, – заметил Джонас.

– Конечно, я тоже участвовал во всех этих играх, все дети обязаны в них участвовать. И в школе я учился так же усердно, как ты. Но в свободное время я возился с малышами. И все часы добровольной работы проводил в Воспитательном Центре. Старейшины, конечно, про это знали.

Джонас кивнул. В этом году он заметил, что наблюдение усилилось. В школе, в Зоне Отдыха, в часы добровольной работы он часто видел Старейшин, наблюдающих за ним и другими Одиннадцатилетними. Он видел, как они записывают что-то в блокноты. Он знал, что они по многу часов беседуют со всеми Инструкторами, которые занимались с Одиннадцатилетними с первых лет школы.

– Так что я ждал своего Назначения и, когда объявили, что я буду Воспитателем, только обрадовался, – объяснил Отец.

– И все хлопали, хотя это не стало ни для кого сюрпризом? – спросил Джонас.

Отец улыбнулся:

– Ну конечно. Все радовались за меня, ведь я получил Назначение, о котором всегда мечтал. Мне очень повезло.

– А кто-нибудь из Одиннадцатилетних был разочарован?

В отличие от своего Отца, Джонас понятия не имел, какое из Назначений ему достанется. Но точно знал, что среди них есть такие, которые его расстроят. Например, при всем уважении к Отцу и его работе он совсем не хотел бы стать Воспитателем. Да и Рабочим тоже.

Отец задумался.

– Вроде бы нет. Старейшины очень внимательно относятся к распределению.

– Я думаю, это самая важная работа в коммуне, – заметила Мать.

– Моя подруга Йошико не ожидала, что ее назначат Врачом, – сказал Отец. – Но очень этому обрадовалась. И да, был еще Андрей – в детстве он никогда не любил подвижные игры. Все свободное время он проводил, играя с конструктором, а часы добровольной работы – на стройках. Он был в восторге от своего Назначения Инженером.

– Кстати, мост через реку – тот, что с западной стороны, – построил именно он. Когда мы были маленькими, этого моста не было, – сказала Мать.

– Неудачные Назначения бывают крайне редко. Я не думаю, что тебе надо беспокоиться по этому поводу, – успокоил Джонаса Отец. – Кроме того, как ты знаешь, всегда можно подать апелляцию.

Тут все рассмеялись – апелляции отправлялись в Комитет на обсуждение.

– Я немного волнуюсь за Назначение Эшера, – признался Джонас. – С ним так весело! Но у него нет никаких серьезных увлечений. Он все превращает в игру.

Отец улыбнулся:

– Знаешь, а я ведь помню Эшера еще с Воспитательного Центра, до Называния. Он никогда не плакал. Смеялся все время. Все сотрудники любили нянчить Эшера.

– Старейшины знают Эшера, – сказала Мать. – Они подберут ему правильное Назначение. Не волнуйся за него. Но, Джонас, я должна предупредить тебя кое о чем. Я не догадывалась об этом до самой Церемонии Двенадцатилетних.

– О чем это ты?

– Как тебе хорошо известно, это последняя Церемония. После Двенадцати возраст уже не важен. Большинство из нас со временем просто забывают, сколько им лет. Хотя эта информация доступна – в Зале Открытых Записей, и при желании можно пойти и посмотреть. Но вот что действительно важно – это подготовка к взрослой жизни и Обучение Назначению, которое ты получишь.

– Так я знаю об этом! – сказал Джонас. – Все знают.

– Да, но это значит, – продолжила Мать, – что ты перейдешь в новую группу. Как и каждый из твоих друзей. Ты больше не будешь проводить время со своей группой Одиннадцатилетних. После Церемонии Двенадцатилетних твоими одноклассниками станут те, кто будет обучаться тому же Назначению. Никаких часов добровольной работы, никакой Зоны Отдыха. Ты уже не будешь так много общаться со своими друзьями.

Джонас помотал головой:

– Мы с Эшером всегда будем дружить. Кроме того, есть еще школа.

– Это правда, – согласился Отец. – Но и то, что говорит твоя Мать, правда. Все изменится.

– Но изменится к лучшему, – сказала Мать. – После моей Церемонии Двенадцатилетних я скучала по Зоне Отдыха, по детским играм. Но когда я начала учиться Юстиции вместе с

другими, я поняла, что есть люди, которым интересно то же, что и мне. Я подружилась с ними – и это была другая, более полная дружба.

– А вы вообще играли во что-нибудь после Двенадцати? – спросил Джонас.

– Иногда, – ответила Мать. – Но мне это уже было не так важно.

– А я играл, – рассмеялся Отец. – И сейчас каждый день играю – в Воспитательном Центре. В «по кочкам, по кочкам», «идет коза рогатая», «баран-баран буц». – Он потрепал Джонаса по остриженным волосам. – Веселье не заканчивается в Двенадцать лет.

Вошла Лили в пижаме. Она нетерпеливо вздохнула:

– Что-то это уж очень долгая отдельная беседа. А между прочим, некоторые дети ждут своего утешителя!

– Лили, – строго сказала Мать, – тебе уже почти Восемь. А Восемилетние дети лишаются утешителя. Его заберут и отдадут тем, кто младше. Тебе пора привыкать спать без него.

Но Отец уже взял с полки плюшевого слона. Многие утешители, как у Лили, были мягкими, плюшевыми воображаемыми существами. Например, утешитель Джонаса назывался «медведь».

– Держи, Лили-Били, – сказал Отец. – Пойдем, я помогу тебе с лентами для волос.

Джонас и Мать переглянулись, но им все же было приятно смотреть, как они идут в спальню – Отец и Лили с плюшевым слоненком, утешителем, которого ей выдали при рождении. Мать села за свой большой письменный стол и открыла дипломат – у нее всегда было полно работы. Джонас сел за свой и принялся раскладывать бумаги для школьного задания. Но думал он по-прежнему про декабрь и Церемонию.

Беседа с родителями немного его успокоила, и все же он даже отдаленно не представлял себе, какое будущее выберут ему Старейшины и как он отнесется к их выбору.

3

– Ой, смотри! – Лили визжала от восторга. – Смотри, какой миленький! Какой крошечный! И у него такие странные глаза, прямо как у тебя, Джонас!

Джонас сердито посмотрел на сестру. Его задело слова Лили. Он ждал, что Отец отчитает ее, но тот отстегивал детскую корзинку от велосипеда и ничего не заметил.

Джонас подошел ближе и понял, о чем говорила Лили.

У ребенка, который выглядывал из корзинки, были светлые глаза.

Почти у всех членов коммуны глаза были темными. У родителей, у Лили, у всех одноклассников и друзей Джонаса. Были и исключения – сам Джонас и одна из Пятилетних девочек, у нее глаза тоже были светлее, чем у других. Но никто никогда не говорил об этом. Правила такого не было, но привлекать внимание к чертам или особенностям индивидуума, которые сильно отличали его от других, было не принято. Это считалось грубостью. Лили, подумал Джонас, тоже должна этому научиться, иначе ее все время будут наказывать за бестактную болтовню.

Отец поставил велосипед на место. Потом подхватил корзинку и занес в дом. Лили пошла за ним, но обернулась и крикнула:

– Наверное, у вас общая Роженица!

Джонас пожал плечами и вошел в дом. И все же глаза ребенка его поразили. Зеркал в коммуне почти не было – не то чтобы они были запрещены, просто никто в них не нуждался, и Джонасу часто и в голову не приходило посмотреть на свое отражение, когда он оказывался рядом с зеркалом. Теперь, глядя на ребенка, на выражение его лица, он вспомнил, что светлые глаза не просто отличали его от остальных. Они еще делали его взгляд особенным – но каким? Глубоким, решил Джонас, как будто смотришь в воду, проникая взглядом так глубоко, что, кажется, вот-вот разглядишь, что таится на дне. Джонас смутился, поняв, что и у него такой взгляд.

Притворившись, что все это ему неинтересно, он направился к своему столу. На другом конце комнаты Мать и Лили склонились над ребенком, которого распеленывал Отец.

– Как называется его утешитель? – спросила Лили, взяв в руки плюшевую игрушку, которая лежала в корзинке.

– Бегемот, – сказал Отец.

Лили хихикнула.

– Бегемот, – повторила она странное слово и положила игрушку на место.

– Младенцы такие милые! – вздохнула Лили. – Вот бы мне дали Назначение Роженицы!

– Лили! – одернула ее Мать. – Не говори так. Быть Роженицей совсем не почетно.

– Но я говорила с Наташей! Знаешь Десятилетнюю, которая живет рядом с нами? Она часто проводит часы добровольной работы в Родильном Доме. Так вот она говорит, что Роженицам дают самую вкусную еду, и у них очень легкая физкультура, и большую часть дня беременные просто играют и развлекаются. Мне бы такое точно понравилось, – гнула свое Лили.

– Да. Три года, – жестко сказала Мать. – За три года – три раза рожать. А потом – все. Потом всю свою взрослую жизнь они – обычные Рабочие, пока не пора будет отправляться в Дом Старых. Ты этого хочешь, Лили? Три праздных года, а потом тяжелая физическая работа до самой старости?

– Пожалуй, нет, – неохотно признала Лили.

Отец перевернул ребенка на живот, положил в корзинку и начал похлопывать по спине.

– В любом случае, Лили-Били, – ласково сказал он, – Роженицам не дают новорожденных. Если тебе так нравятся малыши, мечтай лучше о Назначении Воспитателем.

– В Восемь, когда у тебя появятся часы добровольной работы, ты сможешь часть из них проводить в Воспитательном Центре, – предложила Мать.

– Да, наверное, я так и сделаю, – сказала Лили. Она наклонилась над корзинкой. – Как, ты сказал, его зовут? Гэбриэл? Привет, Гэбриэл, – пропела Лили.

Она хихикнула.

– Ой! Кажется, он спит. Постараюсь вести себя потише, – добавила Лили шепотом.

Да уж, было бы неплохо, подумал Джонас, возвращаясь к школьным урокам. Лили никогда не вела себя тихо. Может, ей лучше всего подойдет Назначение Диктора – тогда она сможет целый день сидеть у микрофона и делать объявления. Он засмеялся, представив, как его сестра важным, как у всех Дикторов, голосом сообщает что-нибудь вроде: «ВНИМАНИЕ. НАПОМИНАНИЕ ДЛЯ ГРАЖДАН ЖЕНСКОГО ПОЛА МЛАДШЕ ДЕВЯТИ. ЛЕНТЫ ДЛЯ ВОЛОС ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЗАВЯЗАНЫ АККУРАТНО».

Он повернулся к Лили и с удовлетворением отметил, что ее ленты, как всегда, развязаны и болтаются. Скоро такое объявление точно прозвучит. И относиться оно будет именно к Лили, хотя ее имя, конечно, упоминаться не будет. Все и так поймут.

Как поняли и в тот раз, когда прозвучало объявление: «ВНИМАНИЕ. НАПОМИНАНИЕ ДЛЯ ОДИННАДЦАТИЛЕТНИХ МУЖСКОГО ПОЛА. ПРЕДМЕТЫ ИЗ ЗОНЫ ОТДЫХА УНОСИТЬ НЕЛЬЗЯ. ПИЩУ СЛЕДУЕТ ЕСТЬ, А НЕ ПРЯТАТЬ». Это было объявление для Джонаса. В тот день, несколько недель назад, он взял яблоко домой. Никто ему ничего не сказал, даже Родители – публичного объявления было достаточно, чтобы он раскаялся. Он, разумеется, выбросил яблоко и следующим утром, перед уроками, принес извинения Директору Зоны Отдыха.

Джонас до сих пор не мог взять в толк, что же тогда произошло. И смущали его не публичное объявление и не извинения, которые пришлось принести. Это были стандартные меры, и он их заслужил. Нет, удивляло само происшествие. Наверное, ему надо было рассказать о своих переживаниях в тот самый вечер, когда Семейная Ячейка, как и всегда, делилась чувствами. Но тогда он не смог определить, облечь в слова свои ощущения. Он не смог бы объяснить, что же его так смутило, и решил этого просто не делать.

Это произошло во время игры с Эшером в Зоне Отдыха. Джонас взял яблоко из корзинки с едой, и они с Эшером начали бросать его друг другу. В такую игру они играли миллион раз: бросил – поймал, бросил – поймал, и так пока не надоест. Игра простая и даже немного скучная, но Эшеру нравится. К тому же ему это полезно – игра тренирует координацию движений, которая у Эшера не соответствует стандартам.

Но вдруг, следя глазами за летящим яблоком, Джонас заметил, что оно – вот как раз этого он и не мог объяснить словами – оно изменилось. На одно мгновение. Он помнил, что это произошло, когда яблоко было в воздухе. Джонас поймал его и внимательно осмотрел, но это было то же самое яблоко. Никаких изменений – тот же размер, та же идеально круглая форма. Того же неопределенного оттенка, что и его одежда.

Не было в этом яблоке ничего особенного. Он повертел его в руках и бросил обратно Эшеру. И опять – в воздухе, всего на одну секунду – оно изменилось.

И так четыре раза.

Джонас поморгал, огляделся, проверил, все ли в порядке со зрением, взглянув на крошечный идентификационный значок на своей форме. Он прекрасно видел свое имя. Он и Эшера прекрасно видел. И яблоко ловил так же ловко, как обычно.

Джонас был озадачен.

– Эш! Тебе не кажется, что с этим яблоком что-то не так?

– Да! – засмеялся Эшер. – Оно все время выпрыгивает из моих рук прямо на пол! – Эшер только что его опять уронил.

Джонас тоже рассмеялся, пытаясь прогнать тревожную мысль о том, что произошло что-то непонятное.

Вот это яблоко он и взял домой, нарушив Правила Зоны Отдыха. Тем вечером, до прихода родителей и Лили, он держал яблоко в руках и внимательно осматривал. Оно было немного помятым, потому что Эшер его ронял. Но ничего необычного в яблоке не было.

Джонас рассматривал его в лупу, подбрасывал и пускал кругами по столу, но яблоко больше не менялось.

Так ничего и не произошло, если не считать объявления, которое тем же вечером раздавалось из громкоговорителя. Объявления, которое указало на него, не называя имени, и заставило Родителей многозначительно посмотреть на его стол, где все еще лежало яблоко.

Теперь, сидя за уроками, пока все остальные возились с ребенком, он мотал головой, пытаясь прогнать воспоминания о том, что случилось. Он заставил себя вернуться к заданиям, чтобы успеть что-нибудь до ужина. Гэбриэл начал хныкать, и Отец, терпеливо объясняя Лили, как кормят новорожденных, дал ему бутылку со смесью.

Вечер продолжался, как и все вечера в Семейных Ячейках, в доме, в коммуне: спокойный, медлительный. Время восстановления сил и подготовки к новому дню. От всех прочих вечеров он отличался лишь одним – присутствием Младенца со светлыми, серьезными, знающими глазами.

4

Джонас медленно ехал по коммуне, ища глазами велосипед Эшера. Он редко проводил часы добровольной работы вместе с Эшером, потому что тот все время дурачился и работать серьезно было совершенно невозможно. Но сейчас, с приближением Двенадцатилетия и окончанием часов добровольной работы, это было уже не важно.

Свобода выбирать, где провести часы добровольной работы, всегда казалась Джонасу невероятной роскошью – ведь весь остальной день был так строго расписан.

Он вспомнил, как ему исполнилось Восемь – скоро это предстоит и Лили – и он получил эту свободу выбора. Все Восемилетние, приступая к первым часам добровольной работы, немного нервничали, хихикали и старались держаться вместе. В первый день они почти всегда оказывались в Зоне Отдыха, привычном для них месте, помогая с младшими. Но мало-помалу, под руководством взрослых, они становились увереннее и начинали выбирать для работы места, которые отвечали их интересам и умениям.

Бенджамин, например, почти все эти четыре года посвятил добровольной работе в Центре Реабилитации, помогая членам коммуны, получившим травмы. Ходили слухи, что он умеет не меньше, чем Руководители Реабилитации, и даже придумал какие-то методы и аппараты для ускорения восстановления. Никто не сомневался, что Бенджамин получит Назначение в этой области и даже сможет пропустить часть Обучения.

Джонас восхищался достижениями Бенджамина. Они учились в одной группе и были хорошо знакомы, но, несмотря на это, никогда не обсуждали успехи Бенджамина, такой разговор поставил бы его в неловкое положение. Невозможно было говорить о чьих-то успехах, не нарушив Правила о хвастовстве. Это было второстепенное Правило, примерно такое же, как Правило о грубости, и наказанием за его нарушение был всего лишь легкий выговор. И тем не менее лучше не создавать ситуаций, в которых так легко нарушить Правила.

Джонас проезжал квартал за кварталом, надеясь найти велосипед Эшера. Он проехал мимо Детского Центра, в который Лили ходила после школы. Проехал Центральную Площадь и Лекторий, где проводились общественные собрания.

Джонас притормозил, чтобы прочесть таблички с именами на велосипедах возле Воспитательного Центра. Потом остановился у Центра Распределения Еды – помогать с доставкой было интересно, и он надеялся, что найдет здесь Эшера и будет вместе с ним развозить коробки с едой по домам коммуны. Наконец Джонас нашел велосипед Эшера – он, как всегда, валялся на земле – возле Дома Старых.

На стоянке было только два детских велосипеда – Эшера и Одиннадцатилетней по имени Фиона. Джонасу нравилась Фиона. Она хорошо училась, была вежливой и спокойной, но при этом с ней было весело, так что он не удивился, что сегодня Эшер работал именно с ней. Он аккуратно поставил свой велосипед и вошел в здание.

– Здравствуй, Джонас, – поприветствовала его служительница.

Она протянула ему анкету и, когда он подписался, поставила на ней свою печать.

Все часы добровольной работы обязательно учитываются и вывешиваются в Зале Открытых Записей. Дети по секрету рассказывали друг другу историю про одного Одиннадцатилетнего. Будто бы много лет назад он пришел на Церемонию, но вместо Назначения получил выговор за то, что у него слишком мало часов добровольной работы. Ему дали месяц, чтобы набрать недостающие часы, и только потом, уже без торжественной церемонии, он получил Назначение; это позорное происшествие омрачило его будущее в коммуне.

– Хорошо, что у нас сегодня есть помощники, – сказала служительница. – Мы праздновали Удаление этим утром, а от этого всегда сбивается расписание.

Она посмотрела на распечатку.

– Так. Эшер и Фиона помогают в ванной комнате. Может, присоединишься к ним? Ты же знаешь, где это?

Джонас кивнул, поблагодарил ее и пошел по длинному коридору, заглядывая в комнаты. Старые тихо занимались своими делами: разговаривали, что-то мастерили, спали. В комнатах стояла удобная мебель, на полу лежали ковры. Здесь было тихо и спокойно, совсем не так, как в оживленных центрах производства и распределения.

Джонас был доволен тем, что за эти годы поработал в разных местах, – он знал, чем они отличаются. Но он понимал, что никогда не увлеклся чем-то одним, а значит, не мог даже предположить, каким может быть его Назначение.

Он усмехнулся: «Опять думаешь про Церемонию, Джонас?» Впрочем, он подозревал, что сейчас, когда до Церемонии осталось так мало времени, все его друзья думают о том же.

Он прошел мимо Медбрата, ведущего по коридору одну из Старых. Сгорбившаяся женщина медленно передвигала ноги в мягких туфлях.

– Привет, Джонас, – поздоровался молодой мужчина в униформе.

Женщина подняла голову и улыбнулась, глядя перед собой затуманенными темными глазами. Джонас понял, что она слепая.

Он вошел в ванную комнату. Влажный воздух пах моющими средствами. Он снял форменную куртку, аккуратно повесил ее на крючок и взял с полки халат Помощника.

– Привет, Джонас! – Эшер окликнул его, не отходя от ванны.

Рядом с другой ванной сидела Фиона. Она обернулась и улыбнулась Джонасу. Фиона бережно намыливала мужчину, который лежал в теплой воде.

Джонас поздоровался с ними и с другими служащими. Затем подошел к Старым, сидящим на мягких стульях в ожидании купания. Джонас уже работал здесь и прекрасно знал, что делать.

– Ваша очередь, Лариса, – сказал он, прочитав имя женщины на значке. – Я только включу воду, а потом помогу вам подняться.

Он нажал кнопку на ближайшей свободной ванне. Из десятков дырочек полилась вода. Ванна заполнится за минуту, а потом вода отключится автоматически.

Он помог женщине встать со стула, подвел к ванне и снял с нее халат. Поддерживая ее за руку, он помог ей опуститься в ванну. Она откинулась назад и удовлетворенно вздохнула, положив голову на мягкий подголовник.

– Вам удобно? – спросил Джонас, и Лариса кивнула, не открывая глаз.

Джонас взял чистую губку, выдавил на нее моющее средство и принялся мыть хрупкое тело.

Прошлым вечером он смотрел, как Отец купает младенца. Выглядело это почти так же: тонкая кожа, теплая вода, мягкие движения рук, скользких от мыла. Расслабленная умиротворенная улыбка на лице женщины напомнила ему о Гэбриэле.

И нагота тоже. Правила запрещали взрослым и детям видеть друг друга обнаженными, но это не касалось Младенцев и Старых. Джонасу это нравилось. Было ужасно неудобно переодеваться в раздевалке, оставаясь прикрытым; приносить извинения за то, что случайно увидел чье-то тело, тоже всегда было неловко. Он не понимал, почему это так важно. Он чувствовал себя в безопасности в этой теплой, тихой комнате. Ему нравилось выражение полного доверия на лице женщины, которая лежала в воде. Обнаженная, беззащитная. И свободная.

Краем глаза он видел, как его подруга Фиона помогает Старому выбраться из ванны и вытирает его худое голое тело полотенцем. А затем помогает надеть халат.

Джонас думал, что Лариса задремала, как это часто бывает со Старыми, и старался, чтобы его движения были ровными и мягкими.

Но вдруг она заговорила, не открывая глаз:

– Сегодня утром мы праздновали Удаление Роберто. Это было чудесно.

– Я знаю Роберто! – сказал Джонас. – Я помогал его кормить, когда был здесь в прошлый раз, пару недель назад. С ним было интересно.

Лариса распахнула глаза.

– Они рассказали всю его жизнь, прежде чем удалить. Так всегда делают. Но если честно, – заговорщицки прошептала она, – иногда эти рассказы бывают ужасно скучными. Некоторые Старые даже засыпают. Например, когда Эдну недавно удаляли, так и было. Ты знал Эдну?

Джонас помотал головой. Он не припоминал никого с таким именем.

– Разумеется, они пытались сделать так, чтобы рассказ о ее жизни звучал более значительно. То есть, конечно, – добавила она строго, – все жизни значительны. Я не говорю, что это не так. Но Эдна, бог мой! Она была Роженицей, а потом годами работала в Производстве Еды, пока не оказалась здесь. У нее даже Семейной Ячейки не было.

Лариса приподнялась, чтобы удостовериться, что ее никто не слышит.

– Мне кажется, она была не очень умной, – призналась женщина.

Джонас расхохотался. Он ополоснул ее левую руку, опустил обратно в воду и начал мыть Ларисе ноги. Та замурлыкала от удовольствия, когда он массирует ей ступни губкой.

– Но жизнь Роберто была прекрасной, – продолжила Лариса. – Он был Инструктором Одиннадцатилетних – ты же знаешь, как важна эта работа, и он был в Комитете Планирования. И – бог мой – не знаю, как он успел, он еще вырастил двух очень успешных детей и придумал ландшафтный дизайн Центральной Площади. Сам он, конечно, ничего не сажал.

– Теперь спина. Наклонитесь, пожалуйста. – Джонас обнял женщину, чтобы помочь ей сесть.

Он взял мочалку и начал тереть ее костлявые плечи.

– Расскажите мне о празднике.

– Ну, сначала рассказывали его жизнь. Начинают всегда с этого. Потом – тост. Мы все подняли бокалы и поздравили его. Потом спели гимн. Он произнес замечательную прощальную речь. И некоторые из нас тоже сказали пару приветственных слов. Я, правда, не говорила. Я не люблю говорить на публике. Роберто был в восторге. Ты бы видел его лицо, когда его уводили!

Джонас в задумчивости почти перестал водить рукой по ее спине.

– Лариса, – спросил он. – А что на самом деле происходит во время Удаления? Куда ушел Роберто?

Она пожала плечами:

– Не знаю. Наверное, никто не знает, кроме членов Комитета. Он просто поклонился, а потом, как это всегда бывает, прошел в особую дверь в Комнате Удаления. Но какое лицо у него было! Абсолютное счастье!

Джонас улыбнулся:

– Жаль, что я этого не видел.

Лариса нахмурилась:

– Не понимаю, почему детям нельзя приходить. Мало места, я думаю. Надо бы им расширить Комнату Удаления.

– Надо предложить это Комитету. Может, они возьмут вопрос на обсуждение, – пошутил Джонас, и Лариса рассмеялась.

– Точно, – фыркнула она, и Джонас помог ей вылезти из ванны.

5

Обычно по утрам, когда члены Семейной Ячейки пересказывали друг другу сны, Джонас почти ничего не говорил. Он редко видел сны. Иногда, проснувшись, он вспоминал какие-то обрывки сна, но никогда не мог сложить их воедино, чтобы получился связный рассказ. Но этим утром все было по-другому. Этот сон он помнил очень живо.

Он в задумчивости слушал, как Лили излагает длинный сон. На этот раз – страшный. Ей приснилось, что она едет на велосипеде Матери и ее ловят Охранники.

Все внимательно выслушали Лили, а потом обсудили, какое предупреждение содержится в ее сне.

– Спасибо за сон, Лили. – Джонас машинально произнес стандартную фразу и постарался сосредоточиться на рассказе Матери, которой приснилось, что ей сделали выговор за нарушение Правил, которого она не понимала.

Все вместе они решили, что этот сон – отголосок истории с тем человеком, которого наказали за повторное нарушение основных Правил.

Отец сказал, что ему ничего не приснилось.

– Гейб? – Отец посмотрел в корзинку, где малыш булькал после кормления, готовый к отправке в Воспитательный Центр.

Все засмеялись. Пересказ Снов начинается с Трех. Видели ли сны Младенцы, никто не знал.

– Джонас? – спросила Мать.

Родители всегда его спрашивали, хотя и знали, что Джонасу сны снятся редко.

– Да, я видел сон этой ночью. – Джонас нахмурился и выпрямился на стуле.

– Отлично, – сказал Отец. – Расскажи нам.

– Все было довольно расплывчато, – начал Джонас, стараясь как можно более точно воспроизвести странный сон. – Кажется, я был в ванной комнате Дома Старых.

– Ты вчера там работал, да? – спросил Отец.

Джонас кивнул:

– Но она была не такая, как обычно. Во сне была ванна. Но только одна. А в настоящей ванной комнате их полным-полно. Там было влажно и тепло. И я снял форму, но не надел халат. Грудь у меня была голая. И я вспотел, было очень жарко. И там, как и вчера, была Фиона.

– И Эшер? – спросила Мать.

Джонас помотал головой:

– Нет, только я и Фиона, больше никого. Мы стояли возле ванной. Она смеялась. А я нет. Я немного злился на нее во сне, потому что она не принимала мои слова всерьез.

– Какие слова? – спросила Лили.

Джонас устался в тарелку. По какой-то непонятной причине он смутился.

– Кажется, я пытался убедить ее залезть в ванну.

Он замолк. Он знал, что нужно рассказать сон до конца, что он должен это сделать. Так что заставил себя перейти к самой сложной части сна.

– Я хотел, чтобы она сняла одежду и залезла в ванну, – быстро сказал Джонас. – Я хотел ее искупать. У меня в руках даже была губка. Но она не хотела. Она смеялась и говорила «нет».

Он посмотрел на родителей:

– Вот и все.

– Ты можешь описать самое сильное чувство, которое испытывал во сне? – спросил Отец.

Джонас задумался. Во сне все было нечетким и мутным, но чувства были сильными и накачивали снова, когда он об этом думал.

– Желание, – сказал он. – Я знал, что она этого не сделает. И кажется, знал, что она не должна этого делать. Но я так сильно этого хотел. Очень сильно.

– Спасибо за сон, Джонас, – чуть погодя сказала Мать и взглянула на Отца.

– Лили, – позвал Отец. – Пора в школу. Проводишь меня до Центра? Нужно присмотреть за малышом – он крутится в корзинке и может упасть.

Джонас встал, чтобы собрать учебники. Ему показалось странным, что его сон не обсуждали и сразу перешли к благодарности. Может, родителям было так же неловко, как ему.

– Погоди, Джонас, – ласково сказала Мать. – Я дам тебе записку для Инструктора, чтобы тебе не пришлось извиняться за опоздание.

Джонас сел на место, озадаченно глядя на Мать. Он помахал Лили и Отцу, которые ушли и унесли в корзинке Гейба. Мать собрала остатки еды и поставила поднос у двери – потом его заберут Уборщики.

Наконец она села рядом с ним.

– Джонас, – улыбнулась Мать, – чувство, которое ты испытал во сне, называется Возбуждением. Мы с Отцом знали, что скоро это с тобой произойдет. Это случается со всеми. Это произошло с Отцом, когда он был в твоём возрасте. Со мной. Однажды это произойдет и с Лили. И очень часто это начинается во сне.

Возбуждение. Он уже слышал это слово. Оно точно было в Книге Правил, но он не помнил, где именно. И время от времени оно звучало из громкоговорителей: «ВНИМАНИЕ. НАПОМИНАНИЕ. СЛЕДУЕТ СООБЩАТЬ О ВОЗБУЖДЕНИИ, ЧТОБЫ ПОЛУЧИТЬ СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ЛЕЧЕНИЕ».

Джонас всегда пропускал мимо ушей это объявление, потому что не понимал, о чем речь, и не думал, что это имеет к нему отношение. Он, как и многие другие члены коммуны, часто не обращал внимания на объявления и приказы Диктора.

– Мне надо сообщить об этом? – спросил он Мать.

Она рассмеялась:

– Ты уже это сделал, рассказав свой сон. Этого достаточно.

– А как же лечение? Диктор говорил, что должно быть лечение.

Джонас расстроился. На носу Церемония, его Церемония Двенадцатилетних, а ему придется отправляться куда-то на лечение. И все из-за какого-то дурацкого сна?

Но Мать опять рассмеялась и успокоила его:

– Не волнуйся. Тебе просто пора принимать таблетки, вот и все. Это и есть лечение.

Джонасу полегчало. Он знал про таблетки. Родители принимали их каждое утро. И некоторые его друзья тоже. Например, Эшер. Однажды, когда они вместе ехали в школу, Отец Эшера крикнул им вслед: «Эшер, ты забыл принять таблетку!» Эшер для виду поворочал, развернулся и поехал домой. Джонас его дождался, но спрашивать ничего не стал.

Про такие вещи у друзей спрашивать не принято, ведь это будет разговором об отличиях, а значит, возможно, грубостью. Эшер пил таблетки каждое утро, Джонас – нет. Всегда лучше говорить про то, что у вас одинаковое.

Мать протянула Джонасу таблетку.

– И все? – спросил он.

– И все, – сказала Мать, ставя коробочку на полку. – Но ты не должен забывать про лекарство. Я буду напоминать тебе первое время, а потом ты должен будешь следить за этим сам. Если забудешь, Возбуждение вернется. И странные сны тоже. Иногда дозу приходится корректировать.

– Эшер принимает таблетки, – сообщил Джонас.

Мать не удивилась.

– Я думаю, многие твои одноклассники тоже. По крайней мере, мужского пола. Скоро и все начнут принимать. И мужского пола, и женского.

– Как долго их нужно принимать?

– Пока не попадешь в Дом Старых. Всю взрослую жизнь. Но скоро это войдет в привычку, и ты будешь принимать их, не задумываясь.

Мать посмотрела на часы.

– Если поторопишься, успеешь в школу. И спасибо еще раз за сон, Джонас, – сказала Мать на прощание.

Крутя педали, Джонас вдруг почувствовал гордость: он присоединился к принимающим таблетки. На мгновение опять вспомнил сон. Неловкий, странный, но приятный. Джонасу нравилось чувство, которое он испытывал и которое его Мать назвала Возбуждением. Он чувствовал это, просыпаясь. И хотел бы почувствовать еще раз.

Но так же, как пропал из виду его дом, когда он повернул на велосипеде за угол, исчез и сон. Он попытался вернуть его, но чувство исчезло. Возбуждение ушло.

6

– Лили, пожалуйста, стой спокойно! – в очередной раз попросила Мать.

Лили продолжала вертеться.

– Я сама могу их заплести! – ныла она. – Я всегда сама их заплетаю!

– Я знаю, – ответила Мать, вплетая ленты в косички Лили. – А еще я знаю, что потом они расплетаются и полдня ты ходишь лохматой. Хотя бы сегодня ленты должны быть завязаны аккуратно.

– Мне не нравятся ленты для волос. Хорошо, что мне осталось их носить всего два года, – раздраженно пробормотала Лили. – А через год мне дадут велосипед! – уже более радостно добавила она.

– Каждый год происходит что-то хорошее, – напомнил ей Джонас. – В этом году у тебя начнутся часы добровольной работы. А в прошлом году помнишь, как ты радовалась, когда тебе выдали форму с пуговицами спереди?

Девочка улыбнулась и посмотрела на свой пиджак с крупными пуговицами, знак того, что ей Семь. Четырехлетние, Пятилетние и Шестилетние носили форму, которая застегивалась сзади, так что им приходилось помогать друг другу одеваться – так они приучались к взаимозависимости.

Пиджак с пуговицами спереди – первый знак независимости, первое заметное свидетельство взросления. Велосипед, который Лили получит в Девять, будет символом движения – от детства в Семейной Ячейке к взрослой жизни в коммуне.

Лили все-таки вывернулась из рук Матери.

– А ты в этом году получишь Назначение! – возбужденно сказала она Джонасу. – Хорошо бы тебя назначили Пилотом. И ты тогда меня возьмешь в полет!

– Конечно, возьму, – сказал Джонас. – А еще я возьму для тебя маленький парашют, и, когда мы поднимемся на пять тысяч метров, я открою дверь и...

– Джонас! – одернула его Мать.

– Да ладно, я пошутил. Я все равно не хочу быть Пилотом. Если получу такое Назначение, подам апелляцию.

– Иди сюда, – сказала Мать Лили и еще потуже затянула ей ленты. – Джонас, ты готов? Таблетку принял? Я хочу занять хорошие места в Лектории.

Она подтолкнула Лили к двери. Джонас вышел за ними.

До Лектория было недалеко. Вся дорогу Лили махала друзьям с багажника материнского велосипеда. Когда они доехали, Джонас поставил свой велосипед рядом с другими и отправился искать одноклассников.

В такой толпе это было непросто – на Церемонию собиралась вся коммуна. Родителям давали два дня выходных – они все вместе занимали одну огромную секцию зала. Дети сидели отдельно – по группам. На сцену их вызывали по одному.

Отец, правда, не сразу займет свое место рядом с Матерью. Во время первой Церемонии Называния Воспитатели должны выносить Младенцев на сцену. Со своего места Джонас пытался увидеть Отца. Найти его секцию было совсем несложно – оттуда доносились вопли Младенцев, беспокойно вертевшихся на руках Воспитателей. Во время всех остальных публичных церемоний люди в зале сидели тихо и спокойно, и лишь раз в году все с улыбкой наблюдали за суетой вокруг новорожденных, готовящихся получить имя и родителей.

Джонас наконец нашел взглядом Отца, который держал на коленях какого-то малыша, и помахал ему. Тот улыбнулся, потом поднял своей рукой ручку ребенка и помахал Джонасу в ответ.

Но это был не Гэбриэл. Сегодня Гэбриэл был в Воспитательном Центре с Ночными Воспитателями. Комитет специальным указом дал ему дополнительный год на воспитание, прежде чем он будет назван и определен в Семейную Ячейку. Гэбриэлу не удалось ни набрать вес, ни научиться спокойно спать по ночам. Обычно таких Младенцев называли Неполноценными и удаляли.

Вместо этого по просьбе Отца Гэбриэла сочли Неопределенным и дали ему еще год. Он будет по-прежнему проводить дни в Воспитательном Центре, а ночи – с Семейной Ячейкой Джонаса. Каждый член ячейки подписал заявление, в котором говорилось, что они обязуются не привязываться к временному гостю и без возражений отдадут его другой Семейной Ячейке во время следующей Церемонии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.